

Обоснование сущности БРИКС+ как глобального объединения нового типа: многообразие подходов и возможности систематизации

Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Ярославской области в рамках научного проекта № 9НП/2024

Гомулина Антонина Алексеевна

аспирант,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: gomulina_a@list.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

БРИКС+, классические теории БРИКС, экономико-структурные подходы, институциональные и правовые подходы, сетевые и гибридные подходы, ценностно-идентичные и критические подходы

АННОТАЦИЯ

В последние десятилетия в научной литературе происходит переосмысление парадигм регионализма, что требует разработки новых моделей макрорегионального взаимодействия. Несмотря на рост числа публикаций о формате БРИКС+, отмечается отсутствие комплексной методологической схемы, способной охватить разнообразие теоретических подходов и адаптировать их ко вне территориальной специфики объединения. Целью исследования является разработка классификации методологических подходов к обоснованию сущности БРИКС+ по критериям: теоретико-познавательным основаниям, и предметному фокусу. В соответствии с этим поставлены задачи: провести анализ и систематизацию ключевых теоретических школ; классифицировать эти подходы по заявленным критериям; выявить их сильные и слабые стороны. Результаты выявили пять групп методологических подходов: классические теории международных отношений; экономико-структурные; институциональные; сетевые и гибридные модели; ценностно-идентичные и критические парадигмы. Анализ показал, что ни один из них не способен полностью отразить комплексность БРИКС+, что обосновывает необходимость междисциплинарного синтеза структурного, институционального и культурно-конструктивистского анализа для дальнейшей эмпирической верификации и выработки практических рекомендаций по развитию объединения. Особое значение имеет тот факт, что страны БРИКС+ формируют около трети мировой территории и почти половину населения планеты, а их совокупный вклад в ВВП и внешнюю торговлю стабильно превышает среднемировые темпы роста. При этом объединение характеризуется отсутствием централизованного механизма управления, что сближает его с сетевыми моделями сотрудничества и отличает от классических интеграционных блоков. Такое сочетание факторов усиливает актуальность поиска методологической рамки для изучения сущности БРИКС+ как глобального объединения нового типа.

JEL codes: F15; F55; B41

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-7-149-163>

Для цитирования: Гомулина, А.А. Обоснование сущности БРИКС+ как глобального объединения нового типа: многообразие подходов и возможности систематизации / А.А. Гомулина. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - 7. - С.149-163. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.07.2025)

Введение

В последние десятилетия XX – начале XXI века национальные экономики пережили глубокую трансформацию, вызванную как технологическим прогрессом, так и расширением глобальных торговых потоков. Переход от эндогенных источников роста к модели, основанной на интеграции в мировые производственные и финансовые сети, стал одним из определяющих факторов

экономического развития. В этих условиях традиционные формы регионального сотрудничества претерпели существенные изменения: на смену «старому регионализму» холодной войны пришли концепции «нового регионализма» и «сравнительного регионализма», акцентирующие самостоятельность региональных акторов и многообразие форм их взаимодействия (Хеттне Б., Содербаум Ф. [9], Ачарья А. [1]).

На фоне обозначенных трансформаций и эволюции парадигм регионализма в научной среде усилился интерес к выявлению и формализации новых, более гибких моделей межгосударственного взаимодействия. Одновременно возросла потребность в разработке специализированных теоретико-методологических основ для структурирования и анализа таких объединений, способных учитывать их альянсово-блоковую логику и множественные векторы экономического, финансового и институционального сотрудничества. Появление в научной литературе идеи объединения БРИК, а затем расширение формата до БРИКС и БРИКС+ стало выражением новой волны макрорегионального взаимодействия. В отличие от классических региональных блоков, участники БРИКС+ не объединены по принципу географической близости: они представляют совокупный «коллективный актор», способный формулировать и реализовывать совместные решения на глобальном уровне. В условиях трансформаций все участники объединения оказались заинтересованы в поиске баланса между сохранением экономического суверенитета и необходимостью расширять участие в глобальных процессах, что во многом предопределило неинтеграционный и сетевой характер формата БРИК. Дополнительным стимулом к сближению стала реакция на новые волны региональных и мировых кризисов, которые побуждали к совместному поиску устойчивых моделей развития и институциональной гибкости при создании новых механизмов сотрудничества». Для наглядного отображения масштабов влияния стран БРИКС+ на мировую экономику обратимся к табл. 1, в которой систематизированы ключевые макроэкономические показатели участников объединения.

Таблица 1 – Основные макроэкономические показатели стран – членов БРИКС+ в 2023 году.

Показатель	Территория (тыс. кв. км)	Население (тыс. чел.)	ВВП на душу населения (долл. США)	ПИИ (входящие, млн долл. США)	Внешне- торговый оборот товаров (млн долл. США)	Внешне- торговый оборот услуг (млн долл. США)
БРИКС+ в % от мирового значения	33%	48%	13099*	25%	22%	15%
Бразилия	8516	211141	10378	65897	592406	127984
Египет	1002	114536	2895	9841	125281	55676
Индия	3288	1438070	2487	28163	1105488	584037
Индонезия	1905	281190	4876	21628	480743	84641
Иран	1648	90609	4432	1422	163415	32301
Китай	9707	1422585	12509	163253	5935985	933116
ОАЭ	84	10642	48311	30688	1040781	275750
Россия	17098	145441	13809	8364	727349	116526
Эфиопия	1104	128692	1241	3263	20531	15029
ЮАР	1221	63212	5976	5233	241602	32744

*мировое значение

Источник: составлено автором по данным [23,34]

Совокупная площадь стран БРИКС+ составляет 33% поверхности планеты, причём наибольший

вклад вносят Российская Федерация (17 098 тыс. км²) и Китайская Народная Республика (9 707 тыс. км²), тогда как ОАЭ и Египет занимают менее 1 % каждый. Население стран объединения составляет порядка 48% мирового, главным образом благодаря Индии (1 438 070 тыс. чел.) и Китаю (1 422 585 тыс. чел.), тогда как меньшие по численности Эфиопия и ОАЭ отражают разнообразие демографических профилей. Экономический «вес» БРИКС+ также заметен в показателях ВВП на душу населения: при среднем мировом уровне в 13 099 долл. США ОАЭ (48 311 долл. США) и Россия (13 809 долл. США) демонстрируют показатели выше среднего, тогда как Индия (2 487 долл. США) и Эфиопия (1 241 долл. США) остаются внизу шкалы. Анализ ПИИ выявляет, что на страны объединения приходится четверть мирового потока прямых иностранных инвестиций (лидер — Китай с 163 253 млн долл. США). Проведенные автором расчеты [34] выявили растущий уровень вовлеченности каждой национальной экономики, которые в будущем в разном периоде вошли в БРИКС, в торгово-экономические внутриблоковые потоки и очевидный прогресс в экономическом сближении стран. Если в 2001 году максимальное значение доли экспорта в страны группы БРИКС в совокупном экспорте составляло 17% (у Ирана), импорта — 26% (у него же), то в 2023 первый показатель поднялся до 36% (у Бразилии), второй — 64% (у Ирана). Этот же вывод подтверждается впечатляющим ростом средних значений долевых показателей экспорта и импорта по всей «десятке» стран: в 2001 9% и 14%, а в 2023 24% и 37% соответственно. При этом происходило не просто смещение максимальных значений в сторону увеличения и подтягивание минимальных значений как по экспорту, так и по импорту, но и более тесная концентрация позиций стран, достигнутая к 2023 году. Обращает на себя внимание если вести речь в контексте отдельных стран заметная динамика крупнейшего участника БРИКС — Китая, вовлеченность которого во внутриблоковый экспорт и импорт выросла в 3,5 раза (с 4% до 14%) и в 2,1 раза (с 10% до 21%) соответственно.

Для обобщения выявленных тенденций экономического роста и внешнеторгового оборота государств-членов БРИКС+ в контексте общемировых показателей, обратимся к темпам прироста, вычисленных «год к году» и отраженных на рис.1. для временных точек с пятилетним шагом.

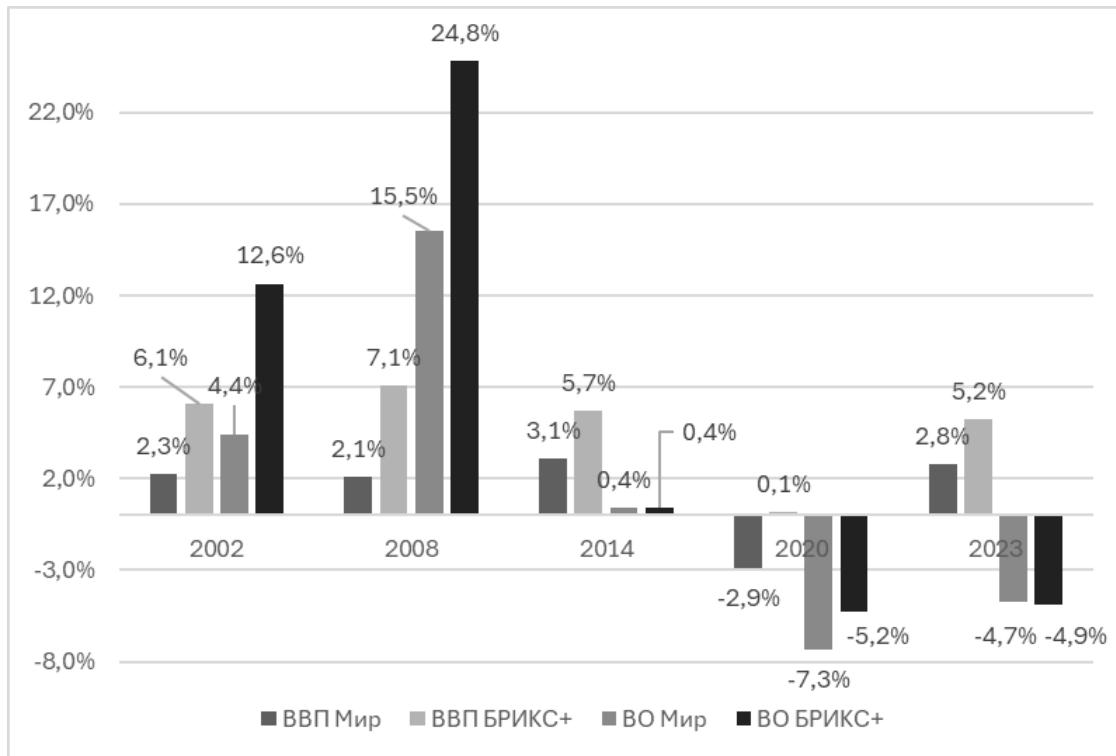

Рисунок 1 – Темпы годового прироста ВВП и внешнеторгового оборота стран БРИКС+ и среднемировые показатели, %.

Источник: составлено автором по данным [34]

По темпам прироста ВВП группы БРИКС+ на всех отобранных временных отрезках наблюдается устойчивое превосходство над среднемировыми значениями. Так, в 2002 г. рост ВВП стран БРИКС+ составил 6,1 %, тогда как в мире — лишь 2,3 %; в 2008 г. это соотношение — 7,1 % против 2,1 %; в 2014 г. показатели составили 5,7 % и 3,1 % соответственно. Во время пандемии COVID-19 группы БРИКС+ удалось сохранить рост (0,1 %) при глобальном спаде (-2,9 %), а к 2023 г. ВВП БРИКС+ восстановился до 5,2 %, значительно опередив среднемировой показатель в 2,8 %. Что касается темпов прироста внешнеторгового оборота, то они демонстрируют аналогичную тенденцию лидерства стран БРИКС+ вплоть до кризисного 2020 г.: в 2002 г. торговый оборот группы вырос на 12,6 % против 4,4 % в мире, а в 2008 г. — на 24,8 % при мировом 15,5 %. В 2014 г. оба показателя снизились до 0,4 %, однако в 2020 г. спад в БРИКС+ (-5,2 %) оказался менее глубоким, чем глобальный (-7,3 %). В 2023 г. мировая торговля сократилась на 4,7 %, тогда как у БРИКС+ фиксируется более сильный спад - 4,9 %.

Важным показателем, позволяющим оценить общую доходную базу страны, включая как внутренние, так и трансграничные потоки является валового национального дохода (ВНД). Он служит интегральной характеристикой масштабов экономической деятельности, накопленных ресурсов и устойчивости национальной экономики в международном контексте. Долгосрочная динамика показателя [34] по странам БРИКС+ ясно демонстрирует, что в течение развития объединения ведущие позиции стабильно занимают Китай, Индия, Бразилия и Россия. Ещё в 1990-х годах ВНД России составлял около 400 млрд долларов, что было сопоставимо с аналогичными показателями Бразилии и Индии. В последующие десятилетия Россия стабильно удерживала статус одной из крупнейших экономик объединения. Так, к 2011 году валовой национальный доход России превышает 1500 млрд долларов, а к 2023 году достигает отметки более 2100 млрд долларов, что позволяет ей уверенно входить в первую четвёрку стран БРИКС+ по данному показателю. Для стран второй волны расширения БРИКС (новые страны-члены с 2023 года) показатели ВНД остаются на существенно более низких уровнях. Например, Египет и Иран даже к 2023 году выходят лишь на уровень 400–500 млрд долларов, Индонезия достигает 1300 млрд долларов, а Эфиопия сохраняет значение ниже 200 млрд долларов на всём горизонте наблюдений. Ключевые участники объединения (Китай, Индия, Бразилия) формируют «ядро», а страны второй волны вносят вклад в экономический потенциал объединения в меньшей степени.

Вместе с тем, главной отличительной особенностью БРИКС+ по сравнению, например, с ЕС, ЮСМКА, Меркосур или ЕАЭС является его географическое, этническое и культурное разнообразие. Практически каждая страна объединения, и сама по себе представляет уникальный многообразный феномен, сочетающий различные культуры, этносы, экономические и даже технологические уклады. Во многом именно уникальность и историко-экономический генотип Бразилии, России, Китая, Индии и ЮАР способствовали формированию национального потенциала экономического роста и прорыва.

Гипотеза исследования

Осмысление сущности БРИКС+ как глобального экономического объединения нового типа, несмотря на его сравнительно недолгую историю, нашло достаточно широкое отражение в научной литературе. Помнению В.В. Перской и М.А. Эскиндарова «новый уровень взаимодействия определяется тем, что каждая из стран БРИКС+ – это своего рода «локомотив» регионального интеграционного процесса среди стран, территориально граничащих с одним из государств БРИКС+» [42]. Подобная конфигурация позволяет не только усиливать взаимосвязанность внутри самого объединения БРИКС+, но и создавать многоуровневую систему взаимодействия с соседними государствами, что способствует формированию устойчивых региональных экономических и политических кластеров. Более того, такая роль «локомотивов» подразумевает не просто экономическое влияние, но также способность инициировать и поддерживать процессы модернизации, технологического развития и институциональных реформ в своих регионах, что в конечном счёте способствует укреплению позиций всего объединения БРИКС+ на международной арене.

Н.Н. Кудашова усматривает уникальную специфику БРИКС+ в том, что страны, входящие в его состав, представляют локальные цивилизации – латиноамериканскую, православно-славянскую, индийскую, китайскую и африканскую [35]. Автор видит значение БРИКС+ как экономического объединения в том, что оно трансформирует систему международных отношений по следующим направлениям [35]:

- развитие модели экономического сотрудничества вне форматов G-7 и G-20;
- использование новых форматов для защиты и отстаивания национальных интересов на международной арене;
- появление альтернативных рычагов политического влияния через создание собственных экономических институтов.

Целью данного исследования является систематизация существующих методологических подходов к обоснованию сущности БРИКС+ как глобального экономического объединения нового типа. Гипотеза исследования заключается в том, что отдельные теоретические подходы не в полной мере объясняют сложность и динамику развития БРИКС+, вместе с тем наиболее подходящим является стратегия междисциплинарного синтеза.

Теоретико-методологическая рефлексия в отношении БРИКС+ демонстрирует важность отказа от однопарадигмального анализа в пользу интегративного, критически-рефлексивного и многомерного подхода. БРИКС+ следует рассматривать как уникальный случай институциональной гибридности и стратегического плюрализма, который открывает перспективы для построения новой модели глобального экономического сотрудничества на базе политico-ценностного многообразия и суверенного развития.

Методы исследования

Для проверки выдвинутой гипотезы в исследовании были задействованы три взаимодополняющих методических приёма: во-первых, анализ и систематизация, в ходе которых проанализированы ключевые теоретические школы (реализм, либерализм, конструктивизм, геоэкономика, институционализм и др.), выявлены их предметные и инструментальные особенности; во-вторых, метод классификации, позволивший на основании критериев — теоретико-познавательных оснований и предметного фокуса — разделить систематизированные подходы на однородные группы и наконец, абстракция и обобщение, обеспечившие выделение общих закономерностей и сущностных характеристик разных направлений, что дало возможность перейти от анализа частных эмпирических и концептуальных кейсов к формулировке универсальных моделей и категорий методологического анализа БРИКС+.

Результаты

В целях систематизации существующего теоретического многообразия, представляется целесообразным разграничить методологические подходы к изучению сущности БРИКС+ по группам, выстраиваемым в зависимости их теоретико-познавательных оснований, предметного фокуса, а также степени формализации и универсальности аналитических инструментов.

Классические подходы

Первая классификационная группа – классические подходы включает в себя: реалистский подход, либеральный подход, конструктивистский и расширенный конструктивистский подходы, мультиполлярный подход. П. Кругман [17], Дж. Стиглиц [44] и Р. Гилпин [8] придерживались данного подхода, который продолжительное время считался одной из наиболее влиятельных теоретических школ и исходит из представления об экономической роли государства как основного актора, руководствующегося национальным интересом, безопасностью и экономическим суверенитетом. Применительно к исследованию сущности БРИКС+, реалистский подход позволяет акцентировать внимание на аспектах, которые связаны с перераспределением глобального влияния

[2], перебалансировкой гегемонии Запада и стремлением государств-участников альянса к усилению своей автономии в системе международных экономических отношений. Реализм объясняет мотивацию создания объединения не как результат ценостной или идеологической общности [22], а как рациональный ответ на структурные внешние экономические вызовы и политico-экономическое давление со стороны развитых стран. Однако реалистская парадигма обладает и определёнными аналитическими ограничениями, заключающимися, в частности, в её неспособности объяснить институциональную гибкость БРИКС+, отсутствие централизованного механизма управления и преобладание дискурсивной легитимации.

В отличие от реализма, либерализм в качестве ключевой исследовательской категории рассматривает институты, экономическую взаимозависимость и международное право. Либеральные теоретики, Кеохейн Р.О. и Най Дж.С. [16] утверждают, что международные институты и альянсы, подобные БРИКС, служат платформами для коллективного решения проблем, способствуя торговле, экономическому росту и достижению общих целей развития. Согласно либеральной интерпретации, БРИКС+ представляет собой реакцию на дефицит представительства стран Глобального Юга в существующих международных организациях, а также попытку компенсировать асимметрии глобального регулирования через создание альтернативных институтов — таких как Новый банк развития, Пул условных валютных резервов, а также собственные механизмы координации в сферах здравоохранения, образования, энергетики и цифровой трансформации. БРИКС сможет лучше отстаивать инклюзивную и справедливую экономическую политику, в котором приоритет отдается потребностям развития недопредставленных стран [25]. Особое внимание в рамках либеральной парадигмы уделяется концепции «мягкой силы» [31] и потенциалу создания норм, основанных на консенсусе и кооперации. Либералы считают, что расширение членства может повысить способность БРИКС поддерживать глобальную экономическую стабильность, способствовать инклюзивному росту и создать основу для взаимодействия с другими многосторонними институтами [25]. Вместе с тем либерализм в меньшей степени способен объяснить внутренние конфликты между странами БРИКС+, такие как конкуренция между Индией и Китаем.

Конструктивизм, сформировавшийся как реакция на ограничения реализма и либерализма, постулирует, что поведение государств обусловлено не только материальными интересами, но и социальными конструкциями, идентичностями, коллективными представлениями и нормами [10]. В рамках анализа сущности БРИКС+ конструктивистский подход, рассматриваемый такими исследователями как Хопф Т., Ван Талдер Р., позволяет сфокусироваться на тех аспектах, которые формируют символическое, идеологическое и нормативное измерение альянса. В многочисленных совместных декларациях стран-участниц утверждается, что потребность в более эгалитарных структурах глобального управления была представлена как единая позиция БРИКС+ в ходе ежегодных саммитов и совместных заявлений [25]. Страны объединения не просто координируют действия на глобальной экономической арене, но и формируют общее видение «справедливого» [21] мирового порядка, основанного на принципах невмешательства, суверенитета, равенства и многообразия путей развития. Конструктивисты считают, что БРИКС — это не просто стратегический или экономический альянс, а блок, сформированный коллективной идентичностью стран с развивающейся экономикой [25]. Однако сложность конструктивизма заключается в трудности его операционализации и верификации, а также в относительной неопределенности инструментального измерения.

Среди весьма разнообразных и отличающихся друг от друга классических теоретических подходов следует также выделить концепцию «мультиполлярности», исследованием которой занимались Е.М. Щербина [49], Е.С. Имкина и В.М. Кузьмина [30]. Концепция мультиполлярности дополняет конструктивистскую трактовку, фиксируя структурные изменения в глобальной системе. БРИКС+ в этом контексте может рассматриваться как элемент формирующегося многополярного мира, где экономическая и политическая сила больше не концентрируется в руках одного центра, а распределяется между несколькими региональными «локомотивами». Согласно этой концепции, мир

переживает переход от униполярности, где экономическое и политическое лидерство принадлежит одной стране, к мультиполлярности, где ведущую роль играют несколько стран. БРИКС+ может рассматриваться как один из элементов многополярной системы ввиду того, что входящие в него страны обладают значительным экономическим потенциалом и стремятся к активному участию в решении глобальных проблем.

Экономико-структурные подходы

Второй группой подходов к обоснованию сущности БРИКС+ по теоретико-методологическим основаниям мы считаем экономико-структурные подходы, которые нашли свое воплощение в геоэкономическом, экономико-политическом, финансово-технологическом, ресурсно-демографическом и промышленно-безопасном подходах.

Геоэкономический подход представляет собой методологическое направление, анализирующее международные процессы с позиции стратегического управления экономическими ресурсами и потоками. Данный подход исследовался в рамках научных работ Фукуямы Ф. [7], Хантингтона С. [12], Каплана Р. [15]. В контексте БРИКС+ геоэкономический подход акцентирует внимание на перераспределении глобальных потоков капитала, энергии, торговли и инвестиций, интерпретируя альянс как платформу для усиления экономического суверенитета и снижения зависимости от западных рынков и валютных систем. БРИКС+, с этой точки зрения, становится важным элементом становления новой геоэкономической реальности, в которой финансово-инвестиционное сотрудничество, создание трансрегиональных инфраструктурных проектов и развитие внутренних рынков альянса направлены на формирование альтернативного экономического центра силы. Однако критика геоэкономической парадигмы связана с её склонностью к экономическому редукционизму и недооценкой политико-идейной составляющей взаимодействия участников, а также с её ограниченной способностью объяснять мотивации государств [26], не поддающиеся экономической рационализации.

В рамках экономико-политического подхода БРИКС+ (Хейфец Б. А.[46], Дауни К. [5]) рассматривается как средство перераспределения глобального экономического влияния через усиление координации политик в ключевых отраслях — энергетике, продовольствии, логистике, валютно-финансовом секторе. Центральное место здесь занимает стремление к дедолларизации, формированию альтернативных механизмов расчётов, развитию собственных расчетных валютных единиц и внедрению цифровых технологий в трансграничные транзакции. Экономико-политический подход позволяет также обосновать устойчивость БРИКС+ на базе объединения экспортно-сырьевых интересов, прежде всего в сфере нефти, газа, редкоземельных металлов. Среди ограничений данного подхода можно отметить избыточный фокус на институциональных возможностях и ресурсной базе, в то время как внутренняя фрагментация интересов, различие моделей экономического развития и стратегий стран остаются вне зоны внимания.

Финансово-технологический подход анализирует возможности БРИКС+ как лаборатории для апробации инновационных финансовых инструментов и цифровых решений; исследованием данного направления занимались Купер Э.Ф. и Фарук А.Б. [36]. В центре внимания находятся национальные и транснациональные платформы для расчётов в цифровых валютах, внедрение блокчейн-решений в трансграничные транзакции и развитие суверенных платёжных систем. В рамках данного подхода БРИКС+ выступает как потенциальное ядро новой глобальной финансовой архитектуры, способной минимизировать риски монополии доллара, повысить киберустойчивость и предложить странам Глобального Юга гибкие альтернативы международным расчётным системам, находящимся под контролем западных регуляторов. Тем не менее, реализация подобных инициатив сталкивается с рядом препятствий, включая отсутствие единой расчётной единицы, различие в уровнях цифровой зрелости участников и недостаточную институционализацию нормативной базы для цифровых валют и платёжной интеграции.

Ресурсно-демографический подход трактует БРИКС+ как консорциум государств, обладающих

уникальной совокупностью демографических и ресурсных преимуществ, которые в долгосрочной перспективе могут стать основой для формирования автономных экономических макрорегионов. Он опирается на количественные показатели — численность населения, структура возрастной пирамиды, обеспеченность природными ресурсами и аграрными угодьями. Авторами подхода являются Малков С.Ю., Устюжанин В.В., Билюга С.Э. и Мусиева Д. М. [39]. Демографически-ресурсный анализ позволяет акцентировать внимание на таких странах, как Индия, Китай, Бразилия и Эфиопия, обладающих потенциалом демографического «окна возможностей» и формирующих долгосрочный внутренний спрос. Основной недостаток подхода заключается в его ограниченной способности учитывать институциональные, политические и управленические факторы, которые определяют эффективность мобилизации ресурсного потенциала в условиях глобальной конкуренции.

Направлением экономико-структурной классификации, ориентированными на достижение устойчивого и безопасного роста, является промышленный подход – концепция «коллективной экономической безопасности», получившая развитие в трудах А.В. Манойло [40] и Е.С. Васютиной [27]. Развивающиеся страны, входящие в состав БРИКС+, уделяют особое внимание углублению и расширению экономического сотрудничества в области торговли товарами и услугами, инвестиций и технологий, стремясь обеспечить стабильный рост и благосостояние своих народов. В тоже время БРИКС+ неукоснительно поддерживает принципы мультилатерализма и неприкосновенности государственной суверенности, что делает его альтернативой традиционным интеграционным объединениям.

Институциональные и правовые подходы

Третьим классификационным направлением можно выделить теории и концепции, фокусирующие свое внимание на институционализме и международном, прежде всего экономическом праве. Основой данной группы подходов можно выделить институциональный и неоинституциональный подходы. Последователями данных концепции являются Киртон Д.Д. [33], Панова Д.А. [41] и Горбунова М.Л. [29]. Внутреннее институциональное устройство БРИКС+, характеризуется высокой степенью гибкости, отсутствием формализованных правил членства, постоянного секретариата и наднациональных механизмов регулирования. Институциональная гибкость рассматривается как преимущество в условиях глобальной нестабильности, поскольку позволяет БРИКС+ быстро адаптироваться к меняющимся международным условиям и расширять своё влияние за счёт кооптации новых участников без изменения базовой структуры [46]. Однако это одновременно является источником институциональной хрупкости, проявляющейся в риске фрагментации и отсутствии долгосрочной институциональной консолидации.

Неоинституционализм, развившийся как ответ на ограничения классического институционализма, исходит из предположения, что институции не только формируют рамки взаимодействия между государствами, но и влияют на предпочтения и стратегии акторов через механизмы финансово-экономического сотрудничества, нормотворчества, социализации и ограничения трансакционных издержек. Особое внимание в рамках неоинституционального анализа, как и в либеральном подходе, уделяется созданию параллельных институтов, таких как Новый банк развития и Пул условных резервных валют, а также консенсусному формату принятия решений в рамках БРИКС+, где каждое государство сохраняет высокий уровень суверенитета (Исхак, В., Шабнам, Г., и Асгер, М. Ф. [14]). Институции в данной трактовке рассматриваются не как автономные структуры, а как отражение согласованных интересов участников, способствующих снижению неопределенности и укреплению доверия. Существенным вкладом неоинституционализма в методологические подходы к обоснованию сущности БРИКС+ является выявление механизмов устойчивости объединения в условиях отсутствия централизованного управления. Вместе с тем, данный подход испытывает трудности в интерпретации политico-ценостных различий между участниками и потенциально недооценивает влияние внешнего дискурса на формирование институциональных норм блока.

В рамках институциональных подходов считаем возможным также выделить адаптационно-эволюционный подход. Ли Цзинчэн [38] и Хуан Маосин Тан Цзе [11] предлагают рассматривать БРИКС+ как институциональный организм, находящийся в состоянии постоянного изменения, мутации и адаптации к внешним вызовам. Вместо создания прочной и неизменной структуры, участники блоков формируют альянс «в движении», где центральными элементами становятся не формы, а процессы и результаты. В рамках данной парадигмы особое значение приобретают концепции мягкой институционализации, неформальных механизмов координации, проектного управления и ситуативных альянсов. Адаптационно-эволюционный подход особенно релевантен в анализе таких процессов, как расширение состава участников, трансформация повестки дня, а также институционализация новых форм сотрудничества, в частности — в цифровой, экологической и гуманитарной сферах. Тем не менее, сложность данного подхода заключается в высокой степени неопределенности критериев оценки эффективности, а также в необходимости эмпирического сопровождения через комплексные метрики институционального развития.

Шинкарецкая Г.Г. [38], Лапочкина Е.П. [37] и Ануфриева Л.П. [24] в рамках интеграционно-правового подхода анализируют эволюцию юридических механизмов в БРИКС+, включая международные соглашения, меморандумы о взаимопонимании, а также роль Нового банка развития как юридически обособленного субъекта международного финансового права. Данный подход позволяет оценивать правовую гибкость блока как фактор его институциональной адаптивности и устойчивости. Правовая специфика БРИКС+ характеризуется отсутствием наднационального регулирования, что принципиально отличает его от интеграционных моделей ЕС или ЕАЭС и формирует интеграционно-правовой подход к обоснованию сущности объединения. Вместо иерархической правовой архитектуры, в объединении действует консенсусная модель принятия решений, в которой каждый участник сохраняет нормативную автономию. В то же время, ограниченность правового инструментария, отсутствие единых стандартов и систематизированного свода норм усложняют взаимодействие внутри блока и могут ограничивать его способность к формированию обязательных к исполнению решений в долгосрочной перспективе.

Сетевые и гибридные подходы

Четвертой группой подходов к обоснованию сущности БРИКС+ можно выделить сетевые и гибридные подходы, состоящие из непосредственно сетевого и геоэкономико-политического подходов. По мнению М. Эмирбайера и Дж. Гудвина, сетевые взаимодействия экономических субъектов основаны на «антикатегорическом императиве» [6]. Например, попытки выявить четкие критерии выбора стран для расширения состава БРИКС+ сталкиваются с существенными методологическими трудностями, обусловленными как сетевой природой данного международного объединения, так и спецификой принимаемых решений, которые основаны на консенсусе участников и учитывают множество факторов, включая geopolитические интересы, экономический потенциал государств-кандидатов, их способность вносить вклад в реализацию общих проектов и др. Геоэкономико-политический подход позволяет рассматривать БРИКС+ как специфический инструмент пространственного стратегического планирования в условиях трансформации глобального распределения силы. В рамках данной теоретической модели Бонд Р. [3], Л. Савин [28] уделяли основное внимание пространственным проекциям власти, конкуренции за зоны влияния, контролю над инфраструктурами и ресурсами, а также символическим стратегиям государств в борьбе за статус и престиж. С этой точки зрения, БРИКС+ является механизмом geopolитического позиционирования стран, не согласных с доминирующей архитектурой глобальной безопасности и распределения выгод. Расширение БРИКС+ за счёт стран Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки рассматривается как попытка сформировать альтернативные центры притяжения и установить новое геоэкономическое ядро. Геоэкономико-политическая перспектива позволяет понять конкуренцию между стратегиями государств-участников, например, соперничество Индии и Китая за влияние в Азии [13] или расхождения по вопросам энергетики и глобального регулирования.

Без сотрудничества между ними БРИКС не сможет функционировать как единое целое, способное бросить вызов существующим глобальным структурам [25]. Однако она может переоценивать конфликтный потенциал объединения и недооценивать возможности консенсусного развития на основе общей заинтересованности в устойчивом многостороннем порядке.

Ценностно-идентичные и критические подходы

Пятая группа подходов к обоснованию сущности БРИКС+ - ценностно-идентичные и критические подходы, которые состоят из цивилизационного, постколониального, мир-системного подходов и подхода колlettivизма развивающихся стран. Цивилизационный подход представлен следующими авторами: Капур Д. [32], А. К. Абулмагд, Л. Ариспе и Х. Ашрави [43]. Подход основан на признании уникальности историко-культурных моделей стран БРИКС и рассматривается как союз суверенных цивилизаций, каждая из которых предлагает собственный путь развития. По своей сути является противопоставлением универсалистскому западному подходу, предполагающему доминирование либеральной модели. Постколониальный подход интерпретирует БРИКС как форму глобальной деколонизации и восстановления субъектности стран глобального Юга. Каусиканан Б., Шифринсон Дж., Слотер Э.-М. [20] акцентируют внимание на критике западного неоколониализма, стремлении к экономической независимости и переосмыслению глобальной повестки. Представители мир-системного подхода исходят из теории И. Валлерстайна [18] о ядре, полупериферии и периферии. БРИКС трактуется как союз стран полупериферии, стремящихся бросить вызов глобальной иерархии. Байрапп Р. [19] и Чакраборти С. [4] подчеркивают исторические циклы и системные кризисы капитализма как основу для подъема альтернативных центров силы. Еще один концептуальный подход, закладывающий важные идеи в обоснование сущности БРИКС+, — это концепция «коллективизма развивающихся стран», которую разрабатывали Н.Н. Целищев [47] и Сун И. [45]. В соответствии с этой концепцией, БРИКС+ представляет наиболее эффективную форму совместной защиты экономических интересов стран в условиях мировых кризисов. Глобальное экономическое объединение позволяет развивающимся странам наиболее полно и с максимальным эффектом реализовывать свои интересы на международных площадках, повышать собственную экономическую и политическую роль в мире.

Результаты проведенной нами систематизации походов можно проиллюстрировать в форме графической схемы (рис. 2).

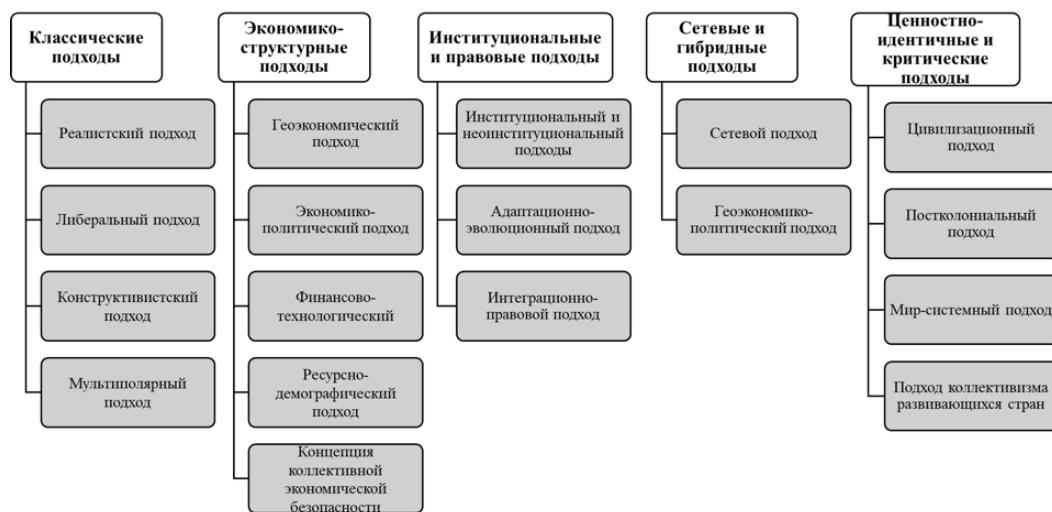

Рисунок 2 – Классификация подходов к обоснованию сущности БРИКС+ по теоретико-методологическим основаниям.

Источник: составлено автором

Заключение

Анализ представленных подходов демонстрирует значительное методологическое разнообразие, отражающее сложность и многослойность феномена БРИКС+ в современной трансформации структуры мирового экономического пространства. Пять стран БРИКС+ выступили форпостами развивающихся экономик крупных макрорегионов мира. Благодаря этому объединение приобрело потенциал существенного влияния на реконфигурацию мировой экономики, предложив альтернативный центр экономической силы и трансформировав понятие «периферия».

Традиционные подходы, такие как неореалистский, неоинституциональный и геоэкономический, обеспечивают надёжную основу для анализа внешнеполитических интересов и экономической рациональности стран БРИКС+. Однако они имеют недостатки, связанные с недооценкой социокультурных и нормативных факторов, что ограничивает глубину понимания внутренней логики альянса.

Цивилизационный и постколониальный подходы вводят в анализ важную категорию идентичности и исторической памяти, но подвержены риску идеологизации и абсолютизации культурных различий. Эти подходы полезны для объяснения идеологических основ многополярности, однако требуют эмпирической конкретизации.

Конструктивистская и сетевая парадигмы акцентируют внимание на формировании смыслов и новых форм взаимодействия, что особенно актуально в условиях гибкости структуры БРИКС+. Их слабостью является сложность верификации выдвигаемых гипотез и ограниченность практической применимости.

Ресурсно-демографический и финансово-технологический подходы делают акцент на материальных и институциональных возможностях стран БРИКС+, однако рисуют недооценивать политические противоречия между участниками. Кроме того, высокий уровень разнообразия участников требует уточнения в рамках субрегионального анализа.

Адаптационно-эволюционный подход представляется наиболее перспективным для изучения динамики развития БРИКС+ в реальном времени. Он позволяет учитывать нестабильность глобальной среды и особенности неформальной институционализации.

Таким образом, ни один из подходов не может претендовать на универсальность. Наиболее продуктивной представляется стратегия междисциплинарного синтеза, в рамках которой возможно объединение структурного анализа, культурной интерпретации и институциональной динамики. Главной отличительной особенностью БРИКС+ помимо экономического, является его географическое, этническое и культурное разнообразие. Во многом именно уникальность и историко-экономический генотип Бразилии, России, Китая, Индии и ЮАР способствовали, в каждом случае по-своему, формированию национального потенциала экономического роста и прорыва, который совершили в мирохозяйственной системе указанные нации. И когда они резко ускорили свое развитие и обрели собственное значимое место в мировом сообществе, проявилась объективная необходимость институционального закрепления новой роли этих восходящих экономик в мире и создании благоприятных и сбалансированных условий дальнейшего глобального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Acharya A. Foundations of Collective Action in Asia: Theory and Practice of Regional Cooperation // URL: https://www.researchgate.net/publication/228285126_Foundations_of_Collective_Action_in_Asia_Theory_and_Practice_of_Regional_Cooperation (дата обращения: 28.11.2023)
2. Beeson M., Zeng J. The BRICS and global governance: China's contradictory role // Third World Quarterly. – 2018. – Vol. 39, № 10. – P. 1962–1978. – URL: <https://doi.org/10.1080/01436597.2018.1438186> (дата обращения: 03.04.2025).
3. Bond P. The BRICS' centrifugal geopolitical economy // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. №3. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-brics-centrifugal-geopolitical-economy> (дата обращения: 03.05.2025).
4. Chakraborty, S. Significance of BRICS: Regional Powers, Global Governance, and the Roadmap for Multipolar World. Emerging Economy Studies. URL: https://www.researchgate.net/publication/327731629_Significance_of_BRICS_Regional_Powers_Global_Governance_and_the_Roadmap_for_Multipolar_World (дата обращения: 13.04.2025)
5. Downie C. Global energy governance: do the BRICs have the energy to drive reform? / C. Downie // International Affairs – Chatham House. The Royal Institute of International Affairs – №4(V.91), 2015
6. Emirbayer M., Goodwin J. Network Analysis, Culture and the Problem of Agency // American Journal of Sociology. 1994. Vol. 99. - URL: <http://www.jstor.org/stable/2782580> (дата обращения: 09.11.2024)
7. Fukuyama F. The End of History? // National Interest. 1992. Summer. Pp. 3–18 URL: <https://archive.org/details/THEENDOFHISTORYFUKUYAMA>/mode/2up (дата обращения: 01.04.2025).
8. Gilpin R. The Political Economy of International Relations / R. Gilpin. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1987. – 400 c. – ISBN 0-691-07731-0. – URL: https://www.academia.edu/32483565/Robert_Gilpin_The_Political_Economy_of_International_Relations_Princeton_University_Press_1987_pdf (дата обращения: 01.04.2025)
9. Hettne, B., Söderbaum . Theorising the Rise of Regionness (2000). New Political Economy, Vol 5, No 3 (December 2000). - URL: <https://ssrn.com/abstract=2398942> (дата обращения: 01.12.2023)
10. Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory / T. Hopf // International Security. – 1998. – Vol. 23, № 1 (Summer). – P. 171-200. - URL: <https://s3.amazonaws.com/serverless-libreoffice-pdf/44342HopfThePromiseofConstructivisminIRTheory.pdf> (дата обращения: 04.07.2025).
11. Huang Maoxing, Tang Jie. Пути реформы механизма сотрудничества БРИКС // Китайская академия общественных наук [Электронный ресурс]. - URL: http://news.cssn.cn/zx/bwyc/201808/t20180816_4543904.shtml (дата обращения: 30.04.2025)
12. Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. № 3. Pp. 22–49.
13. India's Approach to China's Belt and Road Initiative—Opportunities and Concerns // The Chinese Journal of Global Governance. – 2025. – Vol. 5, № 2. – P. 136–152. – DOI: <https://doi.org/10.1163/23525207-12340041>
14. Ishaque, W., Shabnam, G., & Asgher, M. F. BRICS and Evolving Trends of Complex Interdependence: Implications for Pakistan. Global Economics Review, V(III), 143-153. [https://doi.org/10.31703/ger.2020\(V-III\).13](https://doi.org/10.31703/ger.2020(V-III).13) (дата обращения: 04.07.2025)
15. Kaplan R. The Coming Anarchy: How Scarcity, Crime, Overpopulation, Tribalism, and Disease Are Rapidly Destroying the Social Fabric of Our Planet // Atlantic Monthly, 1994. № 2. Pp. 44–77
16. Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence: Second Edition / R.O. Keohane, J.S. Nye. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989.
17. Krugman P.R. Strategic trade policy and the new international economics / P.R. Krugman // Internet Archive: электрон. текст. дан. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1986. – URL: <https://archive.org/details/strategictradepo00krug>/mode/2up (дата обращения: 01.04.2025)
18. Leiss, W. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century, Immanuel Wallerstein, New York: Academic Press, 1974. URL: <https://doi.org/10.1080/01436597.2018.1438186>

org/10.1017/S0008423900039573

19. Ramachandra B. Comparing Immanuel Wallerstein's critique of the BRICS with that of the creation of the United Nations. 9. URL: https://www.researchgate.net/publication/323995767_Comparing_Immanuel_Wallerstein's_critique_of_the_BRICS_with_that_of_the_creation_of_the_United_Nations (дата обращения: 13.04.2025)

20. The Long Unipolar Moment? American Dominance // Foreign Affairs [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.foreignaffairs.com/responses/long-unipolar-moment-american-dominance?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=The%20Long%20Unipolar%20Moment%3F&utm_content=20231017&utm_term=FA%20Today%20-%20112017">https://www.foreignaffairs.com/responses/long-unipolar-moment-american-dominance?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=The%20Long%20Unipolar%20Moment%3F&utm_content=20231017&utm_term=FA%20Today%20-%20112017](https://www.foreignaffairs.com/responses/long-unipolar-moment-american-dominance) (дата обращения: 07.05.2025).

21. Van Tulder, R., Carneiro, J. and Gonzalez-Perez, M.A. (2016), «Introduction to This Volume: What Makes BRIC Multinationals Special?», *The Challenge of Bric Multinationals (Progress in International Business Research, Vol. 11)*, Emerald Group Publishing Limited, Leeds, pp. 41-57. - URL: <https://doi.org/10.1108/S1745-886220160000011005>

22. Varela A. H., Delgado R. G. M. The BRICS in the Contemporary Global Order: Objectives, Capabilities, and Limitations // Otoritas: Jurnal Ilmu Pemerintahan. – 2019. – Vol. 9, № 2. – URL: <https://doi.org/10.26618/ojip.v9i2.2106> (дата обращения: 04.04.2025).

23. World Population Review 2025 // World Population Review. — URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings>true-size-of-countries> (дата обращения: 15.05.2025).

24. Ануфриева Л.П. БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 123–133 <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.109.12.123-133>

25. Баваскар Р. БРИКС в переходный период: критический анализ возможностей и проблем в рамках формирующегося глобального порядка // Современная мировая экономика. Том 2. №4(8). EDN: IHENYP

26. Белоусов В. М., Лубский А. В. Геоэкономическая парадигма научных исследований // Пространство экономики. 2013. №4-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geoekonomiceskaya-paradigma-nauchnyh-issledovaniy> (дата обращения: 01.05.2025).

27. Васютина, Е. С. БРИКС: создание новой системы международной безопасности в рамках социально-экономического сотрудничества стран-участниц / Е. С. Васютина, А. Е. Исаева // Актуальные проблемы развития мировой системы хозяйства и диалектика способов производства : Сборник научных работ студентов. – Москва : Российский государственный социальный университет, 2014. – С. 105-108. – EDN VXGMHZ.

28. Геополитика: информационно-аналитическое издание. Тема выпуска: БРИКС. Выпуск XVIII - URL: <https://www.geopolitika.ru/sites/default/files/geopolitikan18-last.pdf> (дата обращения: 20.05.2025)

29. Горбунова М.Л. Пул условных валютных резервов БРИКС в системе режимов многостороннего управления мировыми финансами / Е.Ю. Ливанова, Н.К. Елизарова, В.Н. Овчинников // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2017. – №4 (48). – С. 7-18.

30. Имкина, Е. С. БРИКС: основа мультиполлярного мира / Е. С. Имкина, В. М. Кузьмина // Актуальные проблемы международных отношений в условиях формирования мультиполлярного мира : Сборник научных статей 6-й Международной научно-практической конференции, Курск, 14 декабря 2017 года / Под редакцией Л.В. Бычковой, В.М. Кузьминой. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2017. – С. 54-57.

31. Канафина Д. А. Концепция «мягкой силы» и страны БРИКС // Вестник магистратуры. 2014. №8 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-myagkoy-sily-i-strany-briks> (дата обращения: 01.05.2025).

32. Капур Д. Диалог цивилизаций на пути формирования философии гуманного мироустройства / Д. Капур // Диалог цивилизаций и международные отношения в условиях глобализации: монография. – М.; Н. Новгород ; Бейрут, 2008. – 247 с
33. Киртон Д.Д., БРИКС. Первые 15 лет сотрудничества / Д.Д. Киртон, М.В. Ларионова // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2022. – № 2. – С. 7-30.
34. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre> (дата обращения: 15.05.2025).
35. Кудашова Н.Н. Перспективы БРИКС в условиях глобализации // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 5А. С. 79-89. DOI: 10.34670/AR.2019.44.5.010
36. Купер Э.Ф., Фарук А.Б. Апробация клубного механизма взаимодействия БРИКС: Новый банк развития от концепции до становления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 2. С. 45–47. – URL: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2015-02-39>
37. Лапочкина Е.П. Международно-правовое сотрудничество в рамках БРИКС: эволюция, результаты и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 234– 240. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/mezhnarodno-pravovoe-sotrudnichestvo-v-ramkah-briks-evolyutsiya-rezulatty-i-perspektivy-razvitiya](https://cyberleninka.ru/article/n/mezhunarodno-pravovoe-sotrudnichestvo-v-ramkah-briks-evolyutsiya-rezulatty-i-perspektivy-razvitiya) (дата обращения: 04.05.2025)
38. Ли Цзинчэн. Состояние и перспективы международного сотрудничества в рамках «БРИКС+» // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 110–120. URL: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-3-110-120> (дата обращения: 06.05.2025)
39. Малков С. Ю., Устюжанин В. В., Билюга С. Э., Мусиева Д. М. Демографическое и экономическое развитие стран БРИКС: моделирование и прогнозирование // Век глобализации. 2024. № 4. С. 129–148. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.11
40. Манойло, А. В. Российский подход к формированию пространства коллективной информационной безопасности стран БРИКС / А. В. Манойло // Социальные и гуманитарные знания. – 2018. – Т. 4, № 3(15). – С. 156-163. – EDN YAKMMH
41. Панова Д.А. Особенности институционализации финансово-экономического сотрудничества стран БРИКС // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. №4-3 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-institutsionalizatsii-finansovoekonomiceskogo-sotrudnichestva-stran-briks> (дата обращения: 02.05.2025).
42. Перская В. В., Эскиндров М. А. Интеграция в условиях многополярности. Эволюция теории и практики реализации / В.В. Перская, М.А. Эскиндров. – Москва : Экономика, 2016. – 179 с.
43. Преодолевая барьеры диалог между цивилизациями / [А. К. Абулмагд, Л. Ариспе, Х. Ашрави и др.]; пер. с англ. [Т. П. Вечериной], под ред. С. П. Капицы. — М. : Логос, 2002
44. Стиглиц Д. Глобализация: Тревожные тенденции / Д. Стиглиц; пер. с англ. – Москва: Мысль, 2003.
45. Сун И. Геополитические условия создания брикс // Sciences of Europe. 2018. №29-2 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskie-usloviya-sozdaniya-briks> (дата обращения: 17.07.2024).
46. Хейфец Б.А. Перспективы институционализации БРИКС. Вопросы экономики. 2015;(8):25-42. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-8-25-42> (дата обращения: 02.05.2025)
47. Целищев Н.Н. БРИКС – новая прогрессивная форма международной интеграции развивающихся стран: становление и развитие // АОН. 2013. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/briks-novaya-progressivnaya-forma-mezhdunarodnoy-integratsii-razvivayuschihsya-stran-stanovlenie-i-razvitie> (дата обращения: 17.07.2024).
48. Шинкарецкая Г.Г. О правовом статусе БРИКС // Современное право. 2015. № 10. С. 140–145
49. Щербина Е.М., Роль БРИКС в создании многополярного мира // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2023. №4 (105). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-briks-v-sozdanii-mnogopolyarnogo-mira> (дата обращения: 15.07.2024).

BRICS+ as a new type of global entity: multifaceted approach and categorization development

Antonina Alekseevna Gomulina

Postgraduate Student,
Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: gomulina_a@list.ru

KEYWORDS

BRICS+, classical BRICS theories, economic and structural approaches, institutional and legal approaches, network and hybrid approaches, value-identical and critical approaches

ABSTRACT

In recent decades, scientific literature has been rethinking the paradigms of regionalism, which will require the development of new models of macro-regional interaction. Despite the growing number of publications on the BRICS+ format, there is a lack of a comprehensive methodological framework capable of covering a variety of theoretical approaches and adapting them to the territorial specifics of the association. The purpose of the research is to develop a classification of methodological approaches to substantiating the essence of BRICS+ according to criteria: theoretical and cognitive foundations, and subject focus. In accordance with this, the tasks are set: to analyze and systematize key theoretical schools; to classify these approaches according to the stated criteria; to identify their strengths and weaknesses. The results revealed five groups of methodological approaches: classical theories of international relations; economic and structural; institutional; network and hybrid models; value-identical and critical paradigms. The analysis showed that none of them is able to fully reflect the complexity of BRICS+, which justifies the need for an interdisciplinary synthesis of structural, institutional, and cultural-constructivist analysis for further empirical verification and the development of practical recommendations for the development of the association. Of particular importance is the fact that the BRICS+ countries account for about a third of the world's territory and almost half of the world's population, and their combined contribution to GDP and foreign trade consistently exceeds the global average growth rate. At the same time, the association is characterized by the absence of a centralized management mechanism, which brings it closer to network models of cooperation and distinguishes it from classical integration blocks. This combination of factors reinforces the urgency of searching for a methodological framework for studying the essence of BRICS+ as a new type of global association.